

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: А.И.ИВАНИЦКИЙ. ПОЭЗИЯ ПУШКИНА КАК МИФОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ. М.: РГГУ, 2016. 263 С.

Киселёва И.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

REVIEW OF THE BOOK A. IVANITSKY. PUSHKIN'S POETRY AS MYTHOLOGY OF BEHAVIOR. M.: RGGU, 2016. 263 P.

I. Kiselyova

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Особое место А.С. Пушкина в истории русской литературы и культуры, без сомнения, видится в том, что его произведения словно бы «перерастали» собственно литературное значение; «универсализм» наследия поэта реализовывался и как потенциал универсальной модели поведения личности. Именно этой проблеме посвящена новая книга доктора филологических наук А.И. Иванецкого, главный вывод которой: как поведенческая программа и бытийный императив, поэзия Пушкина явилась наиболее масштабным обобщением русской дворянской культуры.

С точки зрения автора работы, в своей поэзии Пушкин явил все области поведения свободного дворянина: пир и любовь, игру и путешествие, поединок и «блаженное безделье». В отличие от К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского и многих поэтов-современников, это были не «маски», а формы реального поведения, которые поэт в своих стихах сначала задавал, а потом рефлексировал – поэтически обобщая в своей жизни историческую судьбу поколения. Композиция книги и особенности трактовки автором отдельных периодов творчества Пушкина представляют собой интересный опыт исследования творческой эволюции поэта как реализации указанной модели жизненной программы. И лирика поэта, и роман в стихах «Евгений Онегин» позволяют проследить её основные составляющие.

Пушкин как личность и поэт был плодом реформ Петра, предопределивших корневое противоречие дворянского бытия. С одной стороны, дворянство стало главным служивым сословием новой монархии, созданной по прусскому, военно-полицейскому образцу. С другой – его новый статус утверждался в преимущественно французских формах культуры и быта, включая театр и бал, танцы и поэзию и пр. Они заложили потенциал социальной и духовной свободы дворянина, реализованный Екатериной II в освобождении дворян от службы. Это сменило и литературную парадигму: «поэзия службы» (ода) была

© Киселёва И.А., 2017.

замещена «поэзией отдыха» в частных дворянских салонах и кружках. Её достоинство состояло в независимости самовыражения, основанной на принадлежности к избранному кругу. Однако служба императору и монархии также не была отброшена дворянством. Г.Р. Державин объединил пафос дворянской службы и дворянской свободы (воплощаемой в эпикурейской жизни в своём имении). Лицейская лирика Пушкина обобщает и развивает эту традицию в новых условиях, что естественно заставляет юного поэта, с одной стороны, сожалеть об утраченном веке, с другой – различными путями стремиться к его символическому «возвращению».

По мысли А.И. Иванецкого, именно этот пафос объединяет творческие поиски поэта как в лицейские годы, так и в «петербургский» период его развития, и в годы «Южной ссылки». В русле своей поведенческой программы Пушкин воспринимал южную ссылку как добровольное бегство с теми же целями: духовного освобождения и подлинного эпикурейства. Крым становится новым Царским Селом. Но крымская природа побуждает Пушкина воспринимать Тавриду (преддверие

античной Греции в пространстве и во времени) в контексте т. н. «романтического эллинизма», где антика виделась плодом южной природы, а её основу составляло эпикурейство и прославляющая его анакреонтика.

В конце южной ссылки Пушкин пишет «Телегу жизни» (1823) – вольное переложение Ж.-П. Флориана. В нём задаются две совершенно новые линии бытия и поведения пушкинского лирического героя. С одной стороны, жизненный путь понимается как душевная эволюция, происходящая со сменой возрастов. С другой – являясь в виде современного русского проезжего тракта, этот путь уравнивается с движением по России, получая национальное измерение. В стихах «19 октября» (1825), «Два чувства дивно близки нам...» (1830), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836), как и в пушкинском романе в стихах, конечным рубежом жизненного путешествия предстает родовое поместье, которое, в свою очередь, приобщает героя к почившим предкам, то есть к роду. Ощущение его влекущей силы и становится главным итогом жизненного странствия лирического героя поэта.

ЛИТЕРАТУРА:

Иванецкий А.И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: РГГУ, 2016. 263 с.

REFERENCE

Ivanitsky A.I. *Poeziya Pushkina kak mifologiya povedeniya* [Pushkin's poetry as mythology of behavior]. M., RGGU Publ., 2016. 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселёва Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, академик МАНПО, член Московского филиала межрегионального общественного объединения «Лермонтовское общество», заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: irinakisseleva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Kiselyova – doctor of Philological Sciences, associate professor, academician of the International academy of Sciences of pedagogical education, member of the Moscow branch of the interregional public association “Lermontov Society”, the head of the department of the Russian Classical literature of Moscow Region State University; e-mail: irinakisseleva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Киселёва И.А. Рецензия на книгу: «А.И.Иваницкий. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: РГГУ, 2016. 263 с.» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 143-145. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145

CORRECT REFERENCE

I. Kiselyova. Review of the book «A. Ivanitsky. Pushkin's poetry as mythology of behavior. M.: RGGU, 2016. 263 p.». *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 143-145.*
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145